

А в любви никто никому ничего не должен. Главный и неоспоримый закон любви — ее добровольность: я стою здесь, под твоими окнами, не потому, что ты мне приказала, а потому, что не могу иначе.

Наталья Долинина

Плей-лист

- Клуб любителей музыки — Дура
Phil Collins — Another Day In Paradise
Phil Collins — In the Air Tonight
Stolen Loops — Проснись, это любовь
Crystalline — The Midnight
Zivert — Три дня любви
Thought Beings — Hazy
Антон Токарев — Седьмой лепесток
Fun. Feat. Janelle Monáe — We Are Young
Группа Skryptonite — Скучаю
DMX — I Can Feel It
Свидание — Весна предала
Свидание — Красива
Ромпреа — 90

Пролог

Двумя годами ранее

Местом для поцелуев выбрали старый сарай. Когда-то дедушка хранил в нем инструменты: грабли, лопаты, проржавевшие старые лейки. С тех пор как его не стало, бабушка почти не заглядывала сюда. Участок возле дома каждое лето прорастал травой, над ней кружили шмели и бабочки. Бабуля лишь протаптывала дорожку к калитке, по которой ходила в магазин или на почту. И хотя мой папа купил газонокосилку, сад остался неухоженным. У отца не было времени, у бабушки — сил. А может, не только сил, но и желания. Без дедушки она словно потухла. Ей стал безразличен дом и некогда красивый сад с фруктовыми деревьями, кустами смородины и малины.

Бабушкин дом, огороженный деревянным забором, сиротливо стоял в конце улицы. Уже несколько лет дачный поселок активно застраивался. Старые покосившиеся избышки сносили, на их месте появлялись новые крепкие дома. Некоторые из них были похожи на настоящие замки с высокими воротами.

Среди крутых коттеджей бабушкин дом казался чужеродным. Несколько раз ей предлагали выкупить и дом, и землю, ведь дачный поселок теперь считался элитным, но бабушка всякий раз отказывала. Они с дедушкой прожили здесь полвека, и бабушка ни в какую не хотела прощаться с домом, в котором прошли их счастливые совместные годы.

Рядом с бабушкиным домом находилась дача Гарбичей. Сколько себя помню, они отдыхали здесь каждое лето. Их величественный по сравнению с бабушкиным домом особняк стоял на границе дремучего леса. Здесь всегда была умиротворяющая тишина и отдыхалось куда лучше, чем в начале поселка, где день и ночь гремели поезда. Да, наша улица была лакомым кусочком: тихо, до грибов-ягод рукой подать — райский уголок, спрятанный за соснами.

Не знаю, чем занимался глава семейства Гарбичей, очень привлекательный, высокий, загорелый и седовласый мужчина, но ездил он на крутых автомобилях. Казалось, Гарбич меняет тачки каждое лето. Наверное, в городе у него было много работы, потому как он появлялся в поселке редко и ближе к ночи. А вот его жена, холеная белокурая тетечка, летом сутками торчала на даче. Каждое утро она ходила на пляж и читала там книги в мягких ярких обложках.

С соседями бабушки я не знакомилась и даже здоровалась с ними через раз. В детстве, когда

приезжала на дачу чаще, видела их единственного сынка — белобрысого мальчишку, который казался младше меня на целую вечность, поэтому никогда не вызывал особого интереса. Изредка замечала, как он пялится на меня, но сама его и взглядом не достаивала. Не хватало мне тогда в приятелях иметь всяких сопляков. К тому же его белокурая маман явно была настроена ко мне враждебно. Так и представляла себе, как она во время завтрака твердит своему сыночку: «Не гуляй с этой девочкой, она научит тебя плохому». А впечатление в детстве я производила именно такое: лет до тринадцати, не по своей прихоти, коротко стриглась, лазила по деревьям и таскала у отца сигареты (последнее уже по собственному желанию). Сосед же был примерным мальчишкой: щеголял в светлых футболочках и голубеньких джинсиках, а кеды его своей белизной могли ослепить. Меня такие ребята никогда не привлекали.

Но один раз мы все-таки заговорили. В то лето мне уже исполнилось семнадцать, и как-то мы с соседским парнишкой пересеклись на пляже. Я млела от жары и отсутствующим взглядом пялилась на блестящую рябь воды. Стоило хотя бы старую потрепанную книжку прихватить. У бабушки в сенях лежали горы макулатуры, которую в дом свозили мои родители, — растапливать печь.

Несмотря на жаркую погоду, народу на пляже было немного. Две соседки-старушки да молодая

мамочка с карапузом, который копался в мокром песке. Чуть позже появился мой сосед. Сбросил с себя футболку, оставшись в спортивных шортах, расстелил полотенце и уселся с раскрытой книгой. Я, приставив руку козырьком ко лбу и щурясь от солнечных лучей, с интересом разглядывала соседа. Мы словно поменялись местами: парень демонстративно не обращал на меня внимания, уткнувшись в книгу. Я усмехнулась. Сидит, важничает, книгу с собой взял. К экзаменам, может, готовится? Я прикинула, сколько ему сейчас лет... Бабушка как-то говорила, что он младше на два года. Мне сейчас семнадцать, а ему пятнадцать. Совсем неинтересно! Я отвернулась от соседа и посмотрела на карапуза. Тот уже тянул испачканные в песке руки в рот. Мама его зависала в телефоне.

Как я ни старалась отвлечься, сосед притягивал взгляд: русоволосый, светлоглазый, отлично сложен и выглядит старше своего возраста. Если б я не видела его ребенком, то, возможно, даже запала бы... Я часто западала на красивых ребят. Особенно мне нравилось влюбляться безответно. Когда проявляли ответную симпатию, я быстро теряла интерес. Но этот малолетка точно не вариант. И что он прирос к своему учебнику? Настоящий книжный червь. Наверняка у них на даче есть куча развлечений и помимо книг. Инет, приставка, телик, в конце концов, — вон какая огромная спутниковая тарелка на крыше. У бабушки ничего из

вышеперечисленного нет, поэтому я дачу никогда особо не любила. Родители отправляли меня сюда в качестве наказания. Трафик на телефоне я тратила в первые несколько дней, а потом выть от тоски хотелось...

Я не могла отвести заинтересованного взгляда от этого парня. Надо же, от скуки совсем заняться нечем — разглядываю малолетку. Я отвернулась и подставила лицо солнцу. А когда снова, словно между делом, посмотрела на парня, наткнулась на его взгляд. Это было так неожиданно, что я даже немного смутилась. Теперь он нагло разглядывал меня, даже не думая отводить взгляда. Я тоже смотрела на него в упор, до тех пор пока сосед нагло не похлопал ладонью по полотенцу рядом с собой. Я внутренне возмутилась: что он о себе возомнил? Но скука победила здравый смысл. За две недели, что я торчала в дачном поселке, мне ни разу не довелось пообщаться с кем-то, кому меньше шестидесяти, — только бабушкины подруги к нам и заглядывали...

Я поднялась с песка и молча подседа к парню. Взглянула на обложку книги, которую он держал в руках. История. Сосед перехватил мой взгляд.

— К экзаменам готовишься? — спросила я, чтобы хоть что-то спросить и нарушить возникшую между нами неловкость.

— Ага!

— ЕГЭ?

— ОГЭ.

Память меня не подвела. Увы, он совсем маленький.

— Неинтересно.

— Зачем ты на меня все время пялилась? — спросил парень. Так просто, без обиняков, даже не стараясь быть тактичным.

Я снова почувствовала себя глупо. Еще и под села к нему по первому зову. Кажется, этот высокомерный малолетка мной манипулирует.

— Мне скучно, — наконец нашлась я с ответом. И сказала чистую правду. Я, не собираясь отводить взгляд первой, смотрела в синие и холодные глаза собеседника. Наверное, такие были у Кая, когда в него попал ледяной осколок.

— А я похож на клоуна? — спросил парень.

Мне хотелось сказать, что он похож на Кая, но я ответила в тон:

— Вылитый.

Тогда сосед улыбнулся уголками губ и снова уткнулся в учебник. Сделал вид, что увлеченно читает, а я почувствовала себя еще глупее — если это вообще возможно, потому что мне вдруг показалось, что нелепость ситуации достигла таких размеров, что Вселенная по сравнению с ней просто маленькая песчинка.

Этот индюк читал с таким невозмутимым видом, будто меня здесь нет и не он пару минут назад пригласил присесть рядом с ним.

— Как тебя зовут? — спросила я.

Он ответил не сразу, наверняка испытывая мое терпение. Словно этот чертов учебник по истории — самое интересное чтиво на свете.

— Йован, — наконец бросил парень, не поворачивая головы.

— Как? — переспросила я, заодно припомнив его чудную и необычную фамилию — Гарбич.

— Йован, — немного сердито повторил сосед.

Я рассмеялась.

— Что смешного?

— Странное имя.

— Ну а тебя как зовут?

— Маша.

— Иванова?

— Почему сразу Иванова? — удивилась я. — Раева.

— Все равно скучнее не придумаешь.

Мне стало обидно.

— Ну ты и дурак.

— Сама дура.

Я резко поднялась с песка. Кому и что я собралась доказывать? Он не Кай из «Снежной королевы», а просто малолетний идиот.

— Куда ты? — лениво спросил сосед, не отрывая глаз от учебника.

Я застыла на месте. С одной стороны, не хотелось больше находиться рядом с этим грубияном, с другой — не стоит сбегать с пляжа словно истеричка. Все-таки я старше его. Но почему воспринимаю происходящее так остро? Немного пораз-

мыслив, я уселась рядом с Йованом и даже будто невзначай толкнула его нагретое солнцем плечо. Парень явно растерялся. Наши взгляды снова встретились, и в его глазах впервые мелькнул неподдельный интерес.

В конце концов, я первая пришла сегодня на пляж и почему должна уходить из-за какого-то Гарбича? Хотя, справедливости ради, Йован меня и не выгонял, а всего-навсего вел себя как высокомерный кретин.

— Кажется, ты живешь на соседнем участке, — прикинулась я дурочкой.

— Тебе не кажется, — усмехнулся Йован.

— Думала, что ты старше, — решила я подколоть его по поводу возраста. Мне показалось, что это может его задеть.

— А я раньше думал, что ты пацан, — не остался в долгу Йован.

В детстве я ненавидела свою короткую стрижку. Жутко обидно, что мама постоянно стригла меня под мальчика, хотя и интересы у меня были отнюдь не девичьи, потому что я кучу времени проводила с папой. Раньше дела у него шли неважно, а мама была вполне себе успешной актрисой. Зато я проводила много времени с отцом: мы рыбачили, катались на велосипедах, возились в гараже... Когда я стала старше, отец научил меня водить машину и мотоцикл. Но потом все изменилось. Папа нашел отличную работу, быстро поднялся по карьерной лестнице и исколесил пол-

мира благодаря деловым поездкам. Мама же, наоборот, «вышла в тираж», как она сама о себе говорит. Правда, это никак не повлияло на наше с ней общение: мы не были близки ни до ее популярности, ни после... А вот по тому счастливому времени, которое мы проводили с отцом, я и по сей день страшно скучала. Все-таки я папина дочка.

— А теперь, — Йован окинул взглядом мою фигуру, — вижу, что очень даже девушка.

Такого поворота событий я не ожидала. Пока подбирала слова, Йован насмешливо спросил:

— Снова назовешь меня дураком?

— А что тут называть, и так все ясно с тобой, — сказала я, — безмозглый малолетка.

Йован улыбнулся. Потом закрыл учебник и поднялся с полотенца. Я продолжила сидеть, поглядывая на него снизу вверх, отчего снова почувствовала себя глупо. Он вел себя так, словно превосходил в чем-то меня.

— Пойдем прогуляемся, — вдруг предложил он, и в его голосе не было ни капли учтивости. Предложение прозвучало скорее как приказ.

— С чего ты решил, что я хочу с тобой гулять? — с вызовом отозвалась я.

Йован удивленно взглянул на меня.

— А чем тебе еще заниматься?

— Мало ли, — пожала я плечами, хотя заняться действительно было нечем.

Тогда я подумала: что, собственно, потеряю, если проведу всего один день с этим нахальным

мальчишкой? На вечер у меня уже куплен билет на электричку до города — я наконец возвращалась домой из дачного заточения.

— Ты прав, заняться мне нечем. Окажу тебе такую честь — разрешу прогуляться со мной.

— Тогда подожди, я окунусь. Такая жара. Посторожи мои вещи, — нагло заявил Йован, пропустив мимо ушей слова про оказанную честь.

И вот я, скрипя зубами от злости, сидела рядом с его вещами и ждала, когда этот придурок наплещется, благо плавал он недолго. Но мне все равно казалось, что он назло делает все нерасторопно.

Почти два часа мы слонялись по дачному поселку. Все улицы я облазила тысячу раз, но почему-то сейчас многие места казались незнакомыми. Наверное, потому, что Йован обращал внимание на какие-то странные мелочи, которых я никогда не замечала.

— Ты видела, какие колонны у этого дома?

— Какие колонны? — вертела я головой. Не имела привычки разглядывать чужие дома. Тот, на который указывал Йован, оказался действительно с деревянными колоннами. Зброшенный, с провалившимися ступеньками, он смотрел пустыми глазницами окон с резными наличниками невероятной красоты.

Мы встали у покосившегося забора и уставились на дом. Совсем скоро он пойдет под снос. На его месте будет красоваться новый, типовой, из

красного кирпича — такой же, как десяток других по соседству.

— Здесь когда-то жил талантливый архитектор с женой. Потом его жена умерла от воспаления легких, а он следом за ней — от тоски.

Я смотрела на старый, обшарпанный дом, и вдруг мне стало страшно, что моя бабушка тоже умрет от тоски по деду. И на месте дома, который мой дедушка когда-то построил своими руками, появится новый — современный и ничем не примечательный. Такие мысли мне совсем не понравились. Хотя я и не пылала большой любовью к нашей даче, дом мне было жалко. А о неминуемой кончине бабушки и вовсе думать не хотелось. Я первой пошла прочь от печального дома.

— Чем ты увлекаешься? — спросил Йован, догнав меня. Впрочем, спросил без особого интереса, из вежливости.

Мне почему-то захотелось произвести на него впечатление, поэтому я ответила:

— Мотоциклами.

В глазах Йована промелькнул интерес, и это меня обрадовало. Но я тут же одернула себя. Я понятия не имела, с чего мне вдруг захотелось получить одобрение соседа, будто он имел какую-то власть надо мной.

— Неожиданно, — наконец сказал Йован.

Возможно, задав мне вопрос, Йован надеялся, что я спрошу, чем занимается в свободное время он. То, что этот парень наверняка увлекается чем-

то необычным, почему-то не вызывало сомнений. Фехтованием каким-нибудь или изучением идиш. Но я не стала спрашивать — из вредности, потому что мне казалось, что Гарбич расправит свой павлиний хвост. На его «неожиданно» я гордо улыбнулась. Мотоциклы на самом деле были моей страстью.

Мы бродили по поселку, пока большое вечернее солнце не нависло над лесом. Остановились у дома бабушки. Я прижалась спиной к шершавому деревянному забору и прислушалась. Где-то совсем рядом шумели стрекозы, а с участка Гарбичей доносилось жужжание газонокосилки.

Йован стоял напротив и внимательно смотрел на меня. Даже как-то чересчур пристально. Меня ничуть не смущал его серьезный взгляд, скорее веселил. Этот странный парень весь день вызывал во мне эмоции и ни разу — равнодушие.

— По закону жанра ты должен теперь меня поцеловать на прощание, — отшутилась я.

— Я никогда не целовался, — сказал Йован.

— Серьезно? — искренне удивилась я.

Йован был красивым и выглядел старше своих лет. Наверняка за ним в школе толпами бежали девчонки.

— Серьезно. Ты ведь сама назвала меня малолеткой, — напомнил Йован. А потом вдруг предложил: — Научишь?

Я в шутку возмутилась:

— За кого ты меня принимаешь?

— За отвязную взрослую девчонку, которая в детстве лазила по деревьям, а теперь катается на мотоцикле.

— За отвязную девчонку со скучным именем? — уточнила я.

— Не думал, что ты такая трусиха и зануда, — поддел меня Йован.

Кажется, он всерьез настроился получить мой поцелуй.

— Ты берешь на слабо, что ли? — рассмеялась я.

Но Йован даже не улыбнулся в ответ, а застыл на месте и выжидающе смотрел. Я поймала внимательный взгляд Гарбича, и у меня на миг перехватило дыхание. Звук газонокосилки вдруг стал совсем глухим и теперь доносился издалека, будто у меня уши заложило. Запах свежескошенной травы, наоборот, стал чувствоваться острее. И мне вдруг захотелось стать той, кем меня описал Йован: отвязной девчонкой, которой все нипочем. Показать свое превосходство... И правда, слабо мне, что ли? Это всего лишь поцелуй.

Взяв Йована за руку, я повела его к нашей калитке. Он послушно плелся за мной. Я почувствовала власть над ним, и это меня взбудоражило. В старом сарае было темно, только сквозь деревянные доски проникали вечерние солнечные лучи, пахло деревом и смолой. Мы с Йованом встали друг напротив друга. Я видела лишь высокий силуэт парня и немного запаниковала. Нет,

уже целовалась, но никогда не учила этому кого-то. Мне и в голову не могло прийти, что такое когда-нибудь случится со мной. Я решила начать с глупой лекции.

— Итак, когда ты находишься наедине с девчонкой...

— Мы болтать сюда пришли или целоваться? — недовольным голосом спросил Йован.

Его тон я расценила как волнение, но Гарбич вдруг решительно обнял меня за талию и поцеловал первым, да так, что мои ноги тут же ослабели, а сердце громко заколотилось. Йован классно целовался. Мой язык едва поспевал за умелыми движениями его языка. Поддавшись накрывшим меня эмоциям, я не сразу оттолкнула парня. Когда до меня наконец дошло, что происходит, я уперлась кулаками в грудь Гарбича. Йован не стал напирать и отстранился.

— Что это было? — спросила я, тяжело дыша.

— Когда?

— Только что! — сердито рявкнула я. — Ты ведь сказал, что не умеешь целоваться!

— Значит, ты оценила? — в темноте голос Йована звучал довольно, и это меня обескуражило. Так вот для чего он все это затеял! — Значит, ученик превзошел учителя?

— Ты! Тупой самовлюбленный малолетка! — выкрикнула я, нащупывая в темноте грабли.

— Что ты задумала? — с опаской отозвался Йован.

Все из-за тебя

Из сарая мы выбежали под страшный грохот повалившихся грабель и лопат. Мне хотелось прибить Гарбича. Весь день он заставлял меня чувствовать себя идиоткой, но под конец устроил настоящий спектакль. Йован бежал по заросшему участку с громким мальчишеским хохотом, а я, с граблями наперевес, выкрикивала ему в спину проклятия. Мое лицо пылало от злости и смущения. Я никогда не попадала в столь глупое положение. Гарбич оказался проворным, выскочил за калитку и выкрикнул напоследок:

— Пока, Маруся!

А я остановилась посреди участка и устало опустила руку с тяжелыми граблями. Повернувшись, увидела на крыльце растерянную бабушку.

— Что случилось? — спросила она. — Почему ты носишься по участку, Маша?

Мне было и обидно до слез, и одновременно смешно оттого, что я купилась на такую глупость. Я все-таки рассмеялась сквозь проступившие слезы.

— Как хорошо, что у меня есть билеты на электричку, бабуля, — ответила наконец я.

Уехать как можно скорее в город. И никогда-никогда не возвращаться сюда, чтобы не видеть больше наглого придурка Йована Гарбича.

Глава первая

Педали на велосипеде страшно прокручиваются, и я не могу спокойно проехать и пары десятков метров. Конец августа выдался душным. Дело уже к вечеру, а над поселком до сих пор жарит большое раскаленное солнце. Еще и комары противно зудят над ухом. Мало того что нужно крутить сломанные педали, так еще и приходится останавливаться каждые пару минут, чтобы отмахнуться от надоедливых кровососов.

Страшно вихляя, с горем пополам я доехала практически до нашего дома, но остановилась, чтобы перевести дух. Дальше — дорога в гору.

Несмотря на все неприятности с велосипедом, настроение у меня отличное. Но скорее определение «романтично-меланхоличное» здесь больше подойдет. А все потому, что сегодня я снова встречалась с Ленечкой. Бабушка предупреждала, чтобы я не общалась с этим парнем, но меня к нему тянуло словно магнитом.

Познакомились мы в местном магазине. Ленечка стоял за мной в очереди, а потом галант-

но предложил донести тяжелый пакет до нашего дома, ведь, как оказалось, нам по пути. Ленечка сказал, что давно приметил меня в поселке, пару раз видел на станции, но не находил повода подойти. Я смущенно улыбалась всю дорогу — мне было приятно внимание такого симпатичного и неординарного парня.

Ленечке двадцать четыре — высокий смуглый брюнет с подтянутой спортивной фигурой и правильными чертами лица. Отросшие волосы Ленечка стягивает в небольшой хвостик, и это сводит меня с ума. Всегда была равнодушна к длинноволосым мужчинам. Несмотря на страшную августовскую жару, Ленечка в черных джинсах и футболке. Но, пожалуй, самое необычное в Лене — его глаза: чуть раскосые, с ярко-зелеными радужками. А еще меня подкупала Ленина работа. В день нашего знакомства Ленечка рассказал, что снял дачу у дальней родственницы, чтобы дописать свой роман. Ро-ман! Да, Леня — писатель, и это очень романтично... Никогда не встречалась с писателями. Ну и дачу он подобрал колоритную: белый каменный дом в два этажа с деревянными балками. Рядом — лесное озеро с кувшинками и лесистыми островками. Очень живописные места.

Бабушка, увидев в первый вечер, кто проводил меня до дома, немного расстроилась. Оказывается, про Ленечку ей рассказывала подруга Клара Ивановна, чей участок граничит с участком нового жильца. Леня — племянник ее соседки.

Та когда-то обмолвилась об этом другой соседке, потом — еще одной, и пошло-поехало... Бабуля рассказала, что Леня очень своеобразный парень, еще и лечился у «мозгоправа». А это для моей бабушки сродни госпитализации каждую весну в психушке. Она обожает все преувеличивать и не понимает «моду» на психотерапию. «Вот жили мы безо всяких депрессий». По мнению бабушки, нашему поколению просто заняться нечем. Я сказала, что посещение психотерапевта в наши дни — обычное и полезное дело и в том, что Леня проходил терапию, нет ничего страшного. Наоборот, он молодец, что проработал свои травмы. Мало ли что в жизни могло случиться — тяжелое детство, неразделенная любовь...

— Я ж говорю, псих, — сделала свой вывод бабушка.

Я вздохнула.

— Бабуля, сейчас многие следят за своим психическим здоровьем.

Но бабушка только махнула рукой.

Конечно, в следующую нашу встречу я насто-роженно отнеслась к Лене. Все выискивала в его поведении «своеобразие», как назвала это бабушка. Но так ничего подозрительного и не обнаружила. А спрашивать его напрямую, для чего он посещал «мозгоправа», да еще и ни с того ни с сего, как-то глупо. Постепенно тревога, которую во мне все-таки посеяла бабушка, ушла. Ленечка оказался отличным парнем, и с каждой новой встречей

нравился мне все больше. Он увлеченно рассказывал о своей работе, книгах, истории, политике... Впервые мне встретился такой уравновешенный, эрудированный и интересный парень. Еще и голос у Ленечки низкий, глубокий. Слушать его — одно удовольствие.

Вот и сегодня мы снова провели день вместе. Пили чай на крыльце того самого каменного дома и много болтали. Правильнее сказать, болтал больше Ленья. Я помалкивала, боясь ляпнуть какую-нибудь глупость, да и не хотелось Ленью перебивать.

Все-таки он какой-то инопланетный парень, прибывший в наш дачный поселок из прошлого. Свою книгу писал от руки или печатал на старой машинке, которую привез из города. Он постоянно слушал Филя Коллинза, как мой отец, — этим Ленья мне тоже нравился. Песни Коллинза ассоциировались с любовью и детством. И пусть у Лени и отца из общего был лишь музыкальный вкус, я все равно постоянно проводила между ними параллели. Отец всегда восхищал меня, восхищает теперь и Ленья... Так мы и сидели с ним на ступеньках, слушая *Oh think twice, it's just another day for you and me in Paradise*, и в чашках с черным чаем отражалось небо.

Ленечка носил тряпичные белые кеды без лейбла и читал старые книги. Наверное, мои друзья сочли бы его старомодным и не от мира сего. Я даже не представляла, как можно познакомиться

Леню с лучшей подругой. Но до этого было еще далеко... Я пока сомневалась, что из наших посиделок на крыльце могло получиться что-нибудь серьезное. За те две недели, что мы гуляли вместе, Леня ни разу не пытался меня поцеловать, а подходящих ситуаций возникало предостаточно. Каждый раз, когда он провожал меня, я ждала, что вот-вот это произойдет. Но Ленечка долго разглагольствовал о том, чем ему понравился прошедший день, а затем прощался, пряча руки в карманы брюк. Меня это расстраивало. В голову лезли мысли, что я, возможно, не привлекаю его как девушка. И не стать мне музой в будущем известного писателя. Но ведь я то и дело ловила на себе заинтересованный взгляд Лени... Значит, просто еще не пришло время. В конце концов, Ленечка — мой «парень из прошлого». А раньше все происходило совсем иначе, поэтому он и не спешит. Кто знает, если бы у нас все быстро закрутилось, то, возможно, я бы уже охладела к этому парню, ведь так обычно у меня и бывает, а здесь интрига...

Сегодня мне казалось, что этот вечер — идеальный для нашего первого поцелуя: и вкусный чай в белых чашечках, и уже сумрачное летнее небо, и Another Day in Paradise в колонках... Но вместо поцелуев Леня снова завел разговор о своем будущем романе, а потом признался, что сегодня ему нужно успеть закончить главу и он не сможет меня проводить. На велосипед я садилась крайне разочарованной.

— Увидимся завтра, — сказал Ленья на прощание и слегка приобнял меня. Я почувствовала запах его терпкого парфюма.

— Угу, — пробормотала я, — увидимся.

— Ты замечала, какое красное мерцание у той звезды? — спросил Ленья, подняв голову.

Я тоже уставилась в вечернее небо. Сегодня пасмурно, звезд почти не видно. Но ту, о которой говорил Ленья, все-таки с легкостью обнаружила. Она горела ярче всех.

— Арктур — самая яркая звезда в созвездии Волопаса. Я хотел так назвать свой роман...

— А я думала, это Марс, — перебила я. Снова разговариваем про звезды, вместо того чтобы целоваться. — Ладно, поеду, а то к ужину опоздаю...

И вот я стою перед крутой горой и снова смотрю на яркую мерцающую звезду. Она сопровождала меня, пока я медленно катила вдоль усыпанной полевыми цветами обочины. Духота стояла страшная. Наверное, вот-вот разразится гроза. Я тяжело вздохнула и, спрыгнув с велосипеда, покатила его в гору. С такими педалями брать высоту не рискнула... А когда наконец вышла к дому, то с удивлением обнаружила недалеко от нашего забора черный «Шевроле Тахо». За все время, что я торчу у бабушки, соседи ни разу не приезжали на дачу.

Я замерла. Тишина, слышно только, как кузнечики стрекочут в траве. Из машины вышел холеный хозяин соседней дачи. Я два года не приезжа-

ла в поселок, обычно отец сам привозил бабулю в город на праздники, поэтому и соседей не видела давно. Мужчина ничуть не изменился — такой же загорелый, подтянутый, с сумкой для теннисных ракеток на плече. Он обогнул машину и направился к открытым воротам. Когда сосед скрылся на участке, автоматические ворота почему-то не закрылись. Я постояла пару секунд, а затем, забравшись на велосипед, поехала к бабушкиному дому. Педали снова прокручивались со страшным скрипом. Едва не упав, я слезла с велосипеда. Поправила задравшийся подол сарафана и потопала дальше пешком. Ворота были распахнуты, и меня разобрало любопытство. Проходя мимо соседского участка, я не удержалась и осторожно заглянула во двор. Все так, как я себе и представляла: ухоженная территория, искусственный симпатичный пруд, большой двухэтажный дом с просторной верандой. В центре журчал небольшой фонтанчик, вдоль асфальтированных дорожек светили фонарики, и вообще территория оказалась большой, но очень уютной. Конечно, здесь наверняка поработали ландшафтный дизайнер и садовник. Я вспомнила бабушкин участок. За те два года, что меня не было в поселке, дом покосился, а сад еще больше зарос сорняками. Этим летом папа принял решение все-таки продать дом, а бабушку увезти в город, чтобы она была под присмотром. Именно поэтому мы с отцом приехали сюда в августе, чтобы привести дом в порядок перед про-

дажей. С утра и днем растаскивали всякий хлам, а по вечерам я гуляла с Леней или купалась в озере. Два дня назад отцу пришлось срочно уехать в очередную командировку, и наша работа приостановилась.

Задумавшись, я не сразу услышала, что из черной машины вышел кто-то еще. Вот почему автоматические ворота не закрывались. Я как-то не подумала, что хозяин соседской дачи приехал не один — стекла-то затонированы, кто еще находится в машине, не разглядишь.

— Что же ты не проходишь? — раздался насмешливый голос за спиной.

Я резко обернулась, едва не выпустив из рук велосипедный руль, и увидела Йована.

* * *

За те пару лет, что мы не виделись, он изменился. Стал еще выше ростом и шире в плечах. Ему бы в фильме молодого скандинавского бога играть... Светлые волосы отросли, и Йован теперь зачесывал их назад. Что в Гарбиче осталось неизменным — так это дерзкий взгляд. Йован был все тем же Каем из сказки, просто чуть повзрослевшим.

Не могу сказать, что часто вспоминала о нем. Тот день, когда он развел меня на поцелуи, был будто в прошлой жизни. Дурацкая история. Отчего-то сейчас я вспомнила все случившееся

в мельчайших подробностях, и пульс участился. И все-таки я не ожидала, что второй раз мы встретимся в такой глупой ситуации, когда я буду шпионить около его дома. Створки ворот за моей спиной, не дождавшись молодого хозяина, с громким жужжанием поползли друг к другу. От неожиданности я вздрогнула.

— Что ты делала? — задал новый вопрос Йован. Я посмотрела на закрытые высокие ворота.

— Просто хотела узнать, как там у вас и чего... — растерянно отозвалась я. Объяснение показалось нелепым.

— И как там?

— А?

— И чего? — продолжал изводить меня Йован. Свою наглую ухмылку он даже не скрывал.

— Теперь закрыто, — проворчала я, взмахнув руками в сторону забора.

— Так, может, тебя подсадить? — предложил Йован.

— Иди ты к черту! — взорвалась я. В конце концов, ничем незаконным я не занималась. Как это я успела забыть, что он настолько несносный.

Йован рассмеялся. Открыл заднюю дверь машины и достал точно такую же сумку с теннисными ракетками, как у отца. Накинул ремень на плечо, а затем взял в руки несколько учебников.

— Это и есть твой мотоцикл? — кивнул он заинтересованно на старый велосипед. На нем еще мой папа в детстве катался.

Надо же, Йован тоже помнил наш разговор двухлетней давности. И даже мое увлечение мотоциклами. В то лето я только начинала свой водительский путь и учила билеты, чтобы получить права. А теперь неплохо каталась и в наших гонках с отцом по ночному городу часто приезжала первой. Но рассказывать об этом Йовану не хотелось. Это в прошлый раз мне пришлось сбить с него спесь и произвести впечатление. И вообще, много будет знать, скоро состарится. Хотя до старости ему еще как до Китая пешком. Я снова проигнорировала вопрос и взглянула на учебники в руках.

— А ты до сих пор к экзаменам готовишься? — усмехнулась я.

— Есть такое.

— Бедный малыш! — притворно вздохнула я. — Напомни, сколько тебе лет?

— Двенадцать, — огрызнулся Йован.

А я ликовала — все-таки мне удалось его задеть. Хотя было ясно, что Йован готовится к поступлению в университет.

— На какой факультет собрался?

Йован удивленно посмотрел на меня. Но мне действительно стало интересно, какую профессию выбрал этот парень. Да и что такого — поддержать беседу? По-соседски.

— Восточный.

Ну еще бы! Я и не сомневалась, что он и здесь выпендрится.